

ИТЕЛЬМЕНЫ И КОРЯКИ
В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XVIII в.

(По неопубликованным материалам участника
Камчатской экспедиции А. П. Горланова)

Вопросы ранней этнической истории обитателей Камчатского полуострова приобретают теперь более интригующий характер, поскольку существовавший взгляд на этногенетическую принадлежность ительменов к корякам и чукчам не подтверждается ни историко-культурными, ни антропологическими, ни лингвистическими данными [3]. В этой связи особый интерес представляют находки новых материалов, дополняющие историко-этнографические и языковые сведения об ительменах и их отношениях с коряками Камчатского полуострова. Накопление разного рода ранних сведений об ительменах, несомненно, поможет более глубокому проникновению в загадочный мир этногенеза одного из так называемых «палеоазиатских» народов.

Материалы, используемые в статье, принадлежат одному из участников академического отряда Камчатской экспедиции — студенту А. П. Горланову. Он прибыл на Камчатку в 1739 г. вместе с Г. Стеллером, к которому был прикомандирован в качестве помощника. Работая по заданиям Стеллера, Горланов составил гербарий растений, встречающихся в окрестностях Петропавловска. Занося в журнал русские названия растений, он тут же помещал их ительменские названия, особо отмечая те из растений, которые шли в пищу или использовались ительменами как лекарственные средства. Вместе с тем Горланов записал значительное количество ительменских (по диалектам) и корякских слов «и притом о нравах и обычаях камчатских и коряцких и прочее, что до тех народов касается, выпрашивал и сочинил описание»¹.

К сожалению, большинство работ А. Горланова пока не отыскано [1, 252]. Часть материалов, собранных Горлановым, была использована Г. Стеллером (в основном географические сведения о реках западного побережья Камчатки) [7]. Этнографические же сведения об ительменах, ительменско-корякских отношениях, ительменско-курильских связях, а также исторические материалы об ительменах и коряках оказались почти не использованными. То же следует сказать относительно сведений Горланова об ительменском языке.

В целом его описания ительменов и коряков дополняют сведения С. П. Крашенинникова и Г. Стеллера. Горланов зарегистрировал ряд таких подробностей из области материальной культуры ительменов, их взаимоотношений с соседними народами, которые не отмечены никем. Ему же принадлежат весьма интересные сведения о коряках западного побережья Камчатки. Любопытны материалы, которые он собрал во

¹ААН СССР, ф. 3, оп. 1, д. 813, л. 194 об.— 195.

время путешествия в 1743 г. от Большерецка до Воямполки. Наибольшее количество заметок в дневнике Горланова относится к ительменско-корякским связям и отношениям. Это фрагменты исторических преданий, представляющие исключительную научную ценность, так как никто, кроме Горланова, никаких древних преданий ительменов о их прошлых отношениях с коряками не зарегистрировал. Нет и исторических документов по этим вопросам.

Видимо, к концу XVII в. строгих границ между оседлыми коряками (паланцами) и ительменами не существовало. На р. Тигиль и ее притоках находились как корякские, так и ительменские острожки. Вероятно, были острожки и со смешанным ительменско-корякским населением. В конце XVII — начале XVIII в. были еще поселения оседлых коряков к югу от Тигиля, где они встречались в ительменском окружении. По преданиям, записанным А. Горлановым от местных жителей, ряд ительменских острожков западного побережья Камчатки в недалеком прошлом был населен коряками. К таким поселениям относился «Тахилатынум (коряцкий острожек.— И. В.) на левом берегу Крутогоровой реки». «Некоторые объявляют,— писал Горланов,— что в сем острожке преж сего живали коряки, которых камчадалы войной согонили»².

А. Горланов упоминает также «Тахилвахтаня — коряцкий старый острожек от Гохлина-речки в версте на левом берегу р. Белоголовой»³. Продвигаясь далее на юг, он записал: «На Хайрюзовой реке мне объявили, что прежде сего на сем месте, где ныне камчадалы живут, жили коряки и построены были не малые острожки, точию те коряки камчадалами в осаде побиты»⁴. А на р. Аваче среди обитателей острожка Коряки, по данным Горланова, в 40-х годах XVIII в. были не только ительмены, но и коряки. «Жития во оном острожке,— писал он,— 5 юрт, 42 балагана, жителей 5 коряк, 15 камчадалов»⁵. Из этих сообщений следует, что коряки к югу от Тигиля жили в острожках, весьма далеко отстоящих друг от друга. Если учитывать топонимику этих мест, то обнаруживается значительно больше следов обитания здесь коряков. Так, по свидетельству Горланова, один из притоков р. Хайрюзовой в XVIII в. назывался по-корякски «Кэлилевут — Пестроголовая речка». Она брала свое начало со склонов хребта, называвшегося также по-корякски «Авкувавул'ан (Аквувыввыльын.— И. В.) — Большие утесные камни»⁶. Горланов отмечал, что р. Кавран «с корякского языка — значит Поворот». По-корякски назывались и притоки р. Авачи, как, например, «Ивылга — Долгая».

По всем данным, в прошлом обитатели корякских острожков были оленеводами. Появление их в южной части западного побережья Камчатки относится, очевидно, к сравнительно недавнему времени и должно рассматриваться как вынужденное. Дело в том, что вскоре после переселения коряки в этих местах лишились оленей, и поэтому им пришлось принять образ жизни ительменов, т. е. перейти к оседлости и рыболовству. Как отмечал С. П. Крашенинников, то же самое произошло и с коряками на р. Аваче. «Они (коряки.— И. В.) были прежде оленные,— писал он,— но по отогнании оленей их неприятельми učinились сидячими» [5, 122]. Правда, коряки-оленеводы южной части западного побережья Камчатского полуострова потеряли своих оленей по иной причине. «Об оленных коряках уведомился я,— записал в

² ААН СССР. ф. 21, оп. 5, д. 65, л. 12—13.

³ Там же, л. 28.

⁴ Там же, л. 32об.

⁵ Там же, л. 55об.—56.

⁶ Там же, л. 32об.

1743 г. А. Горланов,— что они прежде сего жили около Лопатки и случилось одною зимою быть великим дождям, а после того морозам, то поверху земли и мохов, которым олени питаются, замерзли и стал великий голод и олени померли, и от того времени якоб коряки от года в год ближе к Тигилю-реке прикочевали, где они до прихода русских проживали»⁷.

Вполне допустимо, что это обстоятельство было одной из главных причин перехода части коряков к оседлости в тех местах, где захватило их бедствие. Отсюда та разреженность поселений коряков, которая отмечалась выше. Находясь в тесном окружении ительменов, они растворились среди них, утратив все самобытные черты культуры, в том числе и язык. Так, видимо, ассимилировались к началу XVIII в. коряки на реках Хайрюзовой, Крутогоровой, Белоголовой и в других местах. В Белоголовом острожке А. Горлановым было записано от ительменов любопытное предание о том, что «коряки, которые ныне на Вакланском море живут (очевидно, имеется в виду Пенжинская губа, названная по р. Аклан.— *И. В.*), услышав в прежние годы приход чрез Анадырский острог русских людей, бежали по Пенжинской губе к Лопатке и там жили, откуль мало живых возвратилось, но почти все примерли»⁸. Это известие подтверждается сообщениями В. Атласова. «Послыша их (отряд В. Атласова.— *И. В.*) приход,— сообщал он в 1697 г. о походе по Камчатке,— оленные коряки с жилищ своих убежали вдаль, и он де (Атласов.— *И. В.*) за ними гнался шесть недель. И мимо идучи на Нане, и на Гиги, и на Ники, и на Сиунчю, и на Харюзове реках неясных камчадал... призывал. И оттуды-де пошли они вперед (т. е. далее на юг.— *И. В.*) и на Кукше, и на Кыкше (р. Большая.— *И. В.*) реках оленных коряк сугнали» [цит. по: 4, 28].

Распространение коряков-оленеводов далеко на юг Камчатского полуострова подтверждают и исторические предания ительменов, записанные Горлановым на Облуковине: «О коряках и сие объявлено, что якоб в прежние годы живали они близ Лопатки, которая лежит на полдень, и около Курильского озера, чему есть в тех местах явные признаки, что многие олени роги около помянутой Лопатки и Курильского озера находят»⁹.

Отношения между коряками и ительменами носили неустойчивый характер, особенно в период, когда коряки с боями проникали в районы к югу от Тигиля. Это также получило живое отражение в народной памяти ительменов. Житель Облуковинского острожка ительмен Карынча «объявил, что коряки из своих жилищ, собравшись человек по 100—150, хаживали по берегу Пенжинского моря на живущих камчадалов даже до Курильской Лопатки, и едва к какому острогу случалось им притти, они дирались и наилучший у них бой бывал костяными топорами, и до того времени те коряки с камчадалами войну имели, пока ясыра себе получают, а как их получают, уговаривают камчадалов, даб с ними далее в поход ходили и притерпенной бы ими урон над другими камчадалами отмщали, и так одного острога жители против жителей других острогов нападение чинили»¹⁰. О столкновениях с коряками вспоминали как о недавней истории ительмены и в других южных острожках, в частности в Куатымнуме, находившемся на правом берегу р. Крутогоровой. Само название этого острожка «от того, что когда в прежние годы коряки к камчадалам приходили драться, то камчадалы, выкопав тайную земляную юрту (ход.— *И. В.*),

⁷ ААН СССР, ф. 3, оп. 1, д. 800а, л. 149об.

⁸ ААН СССР, ф. 21, оп. 5, д. 65, л. 29.

⁹ Там же, л. 15.

¹⁰ Там же.

воду из реки носили»¹¹. Не менее выразительно и определенно сообщение, полученное А. Горлановым на Ключевой протоке р. Крутогоровой, в «Тахилатынум — коряцком острожке, где ныне камчадалы живут, а острожек сей назван для того, чтоб якоб построен он был в прежние годы для защищения от коряцкого нападения, которые прибегали на оленях воевать с камчадалами»¹².

Интересно, что такие предания сохранялись в народной памяти ительменов еще в начале нашего века. В. Н. Тюшов записал на Иче рассказ о приходивших некогда с Паланы коряках с целью нападения на ительменов и об отмщении за это нападение [6, 274—275].

В то же время обращает на себя внимание почти полное отсутствие в имеющихся материалах данных, которые говорили бы о военной активности ительменов против коряков. У А. Горланова есть единственное указание, которое может быть добавлено к преданию, записанному В. Н. Тюшовым, где говорится об отмщении за нападения коряков. Он писал, что недалеко от р. Травяной (левый приток Тигиля) находится «Стрельный яр — Лотанум — имя имеет от сего, как камчадалы прежде сего против коряк в походы хаживали, приехав к сему яру, стреливали из луков, причем примечали, когда стрела прямо метки падет, за счастье признавали. Ежели ж стрела не прямо летит, то несчастно быть признавали, и так они поход свой иногда оставляли»¹³.

Однако было бы ошибкой заключить из сказанного выше, будто ительменско-коряцкие отношения стали тесными лишь в XVII в. Такой вывод можно считать справедливым только применительно к связям ительменов с оленными коряками. Что же касается связей первых с оседлыми коряками, то они, очевидно, уходят своими корнями в более отдаленное время. Наиболее интенсивными они были, естественно, на местах сопредельного расселения оседлых коряков и ительменов, на реках Оманиной, Напане и по Тигилю. Именно в этих местах шло активное взаимодействие этих народностей. Здесь сформировались те общие элементы культуры и языка, которые подробно и обстоятельно описаны исследователями XVIII в. [5; 7]. Этот район был местом наиболее интенсивного физического смешения ительменов с коряками. Отсюда ительменские элементы культуры и языка распространялись к корякам на север, а коряцкие — к южным ительменам.

В дневнике А. Горланова имеются уникальные сведения о некоторых предметах материальной культуры ительменов, особенно о способах их изготовления и орудиях, применяемых при этом. В острожке Такаут (на р. Облуковине) им был «получен от тойона И. Атласова один старинной костяной камчатский топор»¹⁴. Несколько ниже Горланов записал в своем дневнике: «Топоры до прихода русских людей делались из оленьих рогов». Вообще, костяные топоры он упоминает несколько раз; ими якобы пользовались коряки при нападениях на ительменов. Это сообщение согласуется со сведениями из фольклора. В коряцких сказаниях об Эмемкуте топоры из лопастей рога оленя называются как один из основных видов оружия рукопашного боя.

Интересное объяснение причин сокращения численности ительменов и данные об их военном снаряжении сообщил Горланову житель р. Коли. «Старый камчадал объявил, что как он запомнил о приходе русских людей, то жило на одной сей реке Коле камчадалов человек

¹¹ Там же, л. 13.

¹² Там же.

¹³ Там же, л. 39.

¹⁴ Там же, л. 14.

более ста, а ныне человек около 20, в том числе и старые, а умалились оные наипаче от междоусобной брани. Как они между собою войну имели, то были у них луки, лахташные пансыри, а на головах для обороны ничего у них надевано не было»¹⁵.

Весьма интересны и важны замечания о каменных и костяных орудиях и их изготовлении. В острожке Такаут, сообщал Горланов, «от одного камчадала получил я яшмовый зеленый старинный топор, а находится ли та яшма в верхних или нижних краях сей реки, я осведомиться подлинно не мог»¹⁶. И на р. Островной Горланов «из старых вещей получил один каменный топор из яшмового камня, а где тот камень находится, камчадалы не ведают»¹⁷. Горланов интересовался также «стрелошными камнями», т. е. «сырьем» для изготовления каменных наконечников стрел. «Живущие на реке Хайрюзовой камчадалы,— записал он,— стрелошные камни собирают и из оных стрелы делают. На Быстрой реке, которая течет в реку Хайрюзову, стрелошные камни также находятся»¹⁸. На Воямполке Горланов, видимо, наблюдал изготовление наконечников стрел, вероятно, из обсидиана. «Стрелошный камень черный, камчатским именем *желвомку*, берут камчадалы по речным берегам, которой, камень расколовши, кладут близ огня, чтоб оной разогрелся, а как разогрется, взяв особливой камень вместо обтирают оной (т. е. очищают от желвачной корки.— И. В.), а обтерши, отбивают края на части весьма мелкие нарочно на то сделанным из толстой оленьей кости инструментом, которой камчатским именем *какелу* называется. Отбивши края у камня, средину оставляют и обделывают руклом. Одной (рукой.— И. В.) держит камень, а другой — кость, которой кости концом объявленной камень обвастривает, а ту кость камчадалы своим языком называют *тунинйан*»¹⁹. Таким образом, ительмены имели два костяных орудия при изготовлении каменных наконечников стрел: одно для оббивки крупных сколов по краям, другое — для окончательной отделки (ретуши) или, как выразительно объяснил Горланов, для «обвастривания». Там же «камчадал именем Камак» сообщил А. Горланову, что на вершине р. Воямполки «находят светлой белой камень, которой на стрелы и на рудолетные (?) инструменты употребляют». Очевидно, имеется в виду прозрачный обсидиан. Далее, ему рассказывали, что в «верстах во 100 от Компаковского острога берут в хребтах камни, из которых делают тамошние народы точила и бруски»²⁰, а «один из притоков р. Ичи назывался „Уохан — Брусовая“... — а Брусовая нарицается для того, что находятся близ сей реки брусья и точила и возят их в Большерецкий острог»²¹. На одном из притоков р. Облуковины, сообщал Горланов, добывали «желто-белую землю трепел», которая, по-видимому, применялась для шлифовки каменных и костяных орудий. Концы стрел мазали соком лютника, однако это делали только большерецкие ительмены и коряки, а «живущие на Тигеле-реке сего в употреблении не имеют»²².

Из промыслов ительменов А. Горланов называет рыболовство, охоту на морских животных, на парнокопытных и на водоплавающую

¹⁵ Там же, ч. 7.

¹⁶ Там же, л. 14.

¹⁷ Там же, л. 66об. Вероятно, яшмовые топоры попали к ительменам в результате обмена с обитателями Курильских островов.

¹⁸ Там же, л. 32об.

¹⁹ Там же, л. 42.

²⁰ Там же, л. 11.

²¹ Там же, л. 18.

²² Там же, л. 42об.

дичь. Рыбу ловили не только «запорами», но и кололи «спицами», т. е. специальными острогами. Так, он пишет, что в верховьях р. Ава-чи, в озерах «водятся гольцы, коряцкого острога жители тех гольцев колят спицами»²³.

В р. Сопочной ительмены добывали лахтаков. «Ходят на те лахтаки,— отметил А. Горланов,— в Сопочную реку недалеко, которых, так же как и тюленей, ловят сетями, а лежащих на песке колят они спицами костяными, которые спицы делаются из оленьих рогов»²⁴.

Несколько иным был промысел морских млекопитающих на восточном побережье между Петропавловском и Усть-Камчаткой. Так, Горланов отмечал, что около устья р. Налачевой «сивучей камчадалы не промышляют... Коты морские, оных камчадалы колят спицами, гоняясь за ними в байдарах. Бобров зимним временем бьют на ледяных припаях, а летом промышляют на байдарах»²⁵. На берегу губы Аул (к северу от Кроноцкого мыса) ительмены «никаких морских зверей, кроме китов, не промышляют, промышляют только летом»²⁶, а в устье Озерной «морских белух в прежние годы промышляли»²⁷. Жители же острожков на р. Иче в близлежащих горах охотились на диких оленей и горных баранов.

В дневнике А. Горланова содержатся интересные данные о крашении кож и добыче краски. В отличие от коряков ительмены красили кожи не ольховой корой, а минеральной краской, «которая берется на дне реки Чакакич-ай (приток Облуковины)». Далее Горланов дает описание того, «как красная краска употребляется на крашение кож камчадалами... Сперва оную краску сжигают в котле, а нажав, кладут в огонь, а как сожжется, мнут руками и как кто пожелает краской цвет платью навести, то кладут ту краску в воду и прибавляют тут икру и клей кожной, то в воде краска распускается, а потом красят они уже свое платье, яко парки, кухлянки, торбасы и пр.»²⁸. Ительмены восточного побережья Камчатки также применяли для окраски кож минеральную краску. «В пади,— писал Горланов,— от Тозбана-реки в версте камчадалы берут из камня красную краску, которую камчадалы употребляют на крашение кож»²⁹.

Крашение кож минеральной краской с добавлением клеящих и крепящих ее веществ (икры и «клея кожного») не применялось ни коряками, ни чукчами. «Клей кожной» изготовлялся путем длительной варки рыбьих кож.

В своих описаниях А. Горланов уделяет большое внимание представлениям ительменов о природе и ее явлениях. Так, от тигильских ительменов он записал «о горелой сопке». По мнению камчадалов, «загорается та гора от случающихся летним временем громов, которые по суеверию камчадалов якобы бывают от дьявола, в той горе живущего. Дьяволу тому имя Колхилным, или Та'нчбкисун. А каков он собой, объявить не могли. Кто его отец, не знают, но рассуждают, что он сам родился, а прежде якобы с камчадалами живал, а от них отстал, а живет ныне тот дьявол в объявленной горе. Когда камчадалы святым крещением просвещены не были, хаживали к той дым испускающей горе и шаманивали, а именно, когда птицу, зверя или рыбу промыслили, первую ему отдавали и притом прутья бросали, а шамани-

²³ Там же, л. 56.

²⁴ Там же, л. 25.

²⁵ Там же, чл. 63об.

²⁶ Там же, л. 72.

²⁷ Там же, л. 7.

²⁸ Там же, л. 14.

²⁹ Там же, л. 70.

вали бубнами. Когда для ловли рыбы запоры в реку камчадалы ставили, а рыбы в те запоры не шли, то шаманивали ж и в жертву рыбу припасали. Сего дьявола во всяких случаях в помощь призывали, а паче в подаянии им пищи»³⁰.

Культ «огнедышащих гор», в которых якобы жил один из соплеменников далекого прошлого («живал с ними») ительменов, весьма напоминает культ предка-покровителя. Поэтому слово «дьявол», которым называет его Горланов, совершенно не подходит. Это «существо», по представлениям ительменов, не имело ничего общего с дьяволом — злым духом христиан, противостоящим богу, — виновником всех человеческих бед и всякого зла в мире. О том, что это название не соответствовало понятиям ительменов, свидетельствует и то, как они обращались к этому «существу» за помощью «в подаянии им пищи», принося ему просительные жертвы.

По сообщениям тех же ительменов, раньше «камчадалы... хаживали промыслять зверя байдарами, причем бросали [жертву] в море с приговором живущим в воде дьяволам, дабы промысел добрый им подали». В данном случае также речь идет не о «дьяволе» — этом обобщенном образе христианского вероучения, а просто о «существе» не божественного происхождения. Здесь имелись в виду лишь «хозяева моря», «хозяева, владельцы морских промысловых животных», принося жертву которым «с приговором» ительмены просили «промысел добрый». Интересно замечание Горланова о том, что «во время того промысла надевали на себя платье ушканье, т. е. заячье, а даб в море большого страху не имели, съедали по несколько мухомору»³¹.

Ительмен Андрус рассказал, что «около Уки находится хребет, в котором якобы есть плачущая девка, робенка уговаривающая, и якобы мимо того хребта из коряк и из камчадалов никак никто пройти не может, ежели чего не бросить для почтения того хребта»³². Очевидно, это одно из жертвенных мест, которые признавали одинаково и ительмены и коряки. Коряки-карагинцы и алюторцы такие жертвенные места называли тинтынутэнут [2, 276].

Интересно и специальное примечание Горланова «О шаманстве»: «Как я в бытность на реке Островной выспрашивал о разных поведении камчадалских, то между прочим спрашивал, когда они из сего жилища, в котором в нынешнее время живут, на остров летом перебираются, не шаманят ли, то ими объявлено, что они, когда прежде сего перебирались, шаманивали и ныне, хотя уже приняли святое крещение, того не оставляют. Но когда с матерой земли на остров перебраться начнут, бросят в море тоншич, приговаривая: то, то, то! Бросает всегда тот, который на руле сидит. Ежели по приезде на остров промыслят они бобра, то кидают в огонь кусок мяса, что делают для того, даб большее имели они в промыслу бобров счастье»³³.

А. Горлановым сделаны также весьма важные наблюдения и заключения о диалектах ительменского языка и границах их распространения. Этим вопросом занимались С. П. Крашенинников и особенно Стеллер. «Что касается языка, — писал последний, — на котором говорят на Камчатке и на островах, то различают три главных языка. Ительменский язык распадается на много наречий, среди которых выделяются три главных: один из них именуется у русских „другой морской“ или „шандальский“. На этом языке говорят все живущие по

³⁰ Там же, л. 43.

³¹ Там же, л. 46.

³² ААН СССР, ф. 3, оп. 1, д. 800а, л. 155об.

³³ ААН СССР, ф. 21, оп. 5, д. 65, л. 66об.

р. Камчатке и по соседству с ней. Этот говор не столько наречие, сколько настоящий язык, сильно отличающийся от прочих тамошних наречий. При этом, впрочем, удивительно, что люди, живущие на противоположных берегах моря, понимают друг друга, хотя они и не в состоянии отвечать собеседнику на его языке. Кроме того, и слова этих языков по своему составу совершенно различны между собою...

Другим главным наречием является говор жителей побережий Пенжинского моря, на протяжении от мыса Лопатки до Тигиля, впрочем, по каждой реке, начиная от Большой, население говорит на своем особом языке или наречии... По мере приближения к Тигилю наблюдается отклонение языка от большеерецкого наречия и постепенное смешение его с языком коряков; таким образом, много ительменских слов имеют коряцкие, а коряцкие же слова — ительменские окончания.

На третьем языке говорят жители второго и следующих за ним островов (Курильской гряды.— *И. В.*)... до сих пор не нашлось ни одного русского толмача, знающего этот язык (имеется в виду язык айнов.— *И. В.*)»³⁴.

Таковы данные Г. В. Стеллера о границах распространения территориальных подразделений ительменского и курильского (айнского) языков. Однако сведения А. Горланова по этому вопросу значительно точнее и шире. Им был составлен (при помощи переводчика ительменского языка Гавриила Бронинкова) «Вокабуляриум разных камчатских диалектов»³⁵. Он сообщал Г. В. Стеллеру: «Выспросил я слова здешнего камчатского языка, а именно, как здешние большеерецкие камчадалы до р. Немтина, от Немтина до р. Морошечной, от р. Морошечной до Тигиля и на Тигиле и на Воямполке реках говорят, да и коряцкого также и нижекамчатского языков слова у меня написаны»³⁶. В острожке Ганалы в верховьях р. Немтин, истоки которой близко подходят к одному из правых верхних притоков р. Быстрой,— «уже другой камчатской диалект»³⁷, распространенный среди жителей р. Камчатки. На восточном побережье Камчатки на большеерецком диалекте или весьма близком к нему говорили ительмены населенных пунктов до острожка Тын-апу (р. Березовая), находившегося между р. Жупановой и р. Кроноки. Далее на север картина иная: «Здесь уже язык камчатской, которым в Большеерецке говорят камчадалы, имеет отмену, а говорят тем языком, которой употребляется в Верхнем и Нижнем Камчатских острожках»³⁸.

Таким образом, А. Горланов установил следующие границы диалектов ительменского языка. Один из них был распространен по западному берегу Камчатского полуострова с юга на север (от Большеерецка до р. Коль, на нем же говорили и ительмены восточного побережья Камчатки от Авачинской губы на юге до острожка Тын-апу); второй — от р. Коль до р. Морошечной; третий — от р. Морошечной до р. Тигиль; четвертый — в долине р. Камчатки. Отмечаемый Горлановым особый диалект на Тигиле (?) — видимо, коряцкий язык.

Особого внимания заслуживает замечание А. Горланова о том, что язык, на котором говорят «от Морошечной до Тигиля, от прочих языков отменен; ибо большеерецким языком говорят только до Кола реки, а от Кола-реки особой язык до Морошечной, которые языки

³⁴ АИЭАН СССР, К-1, оп. 1, д. 30, стр. 13—14.

³⁵ Кроме того, Горланов составил списки названий животных, птиц, растений, собрал обширные сведения о топонимах тех мест, по которым он проезжал.

³⁶ ААН СССР, ф. 3, оп. 1, д. 800а, л. 150.

³⁷ ААН СССР, ф. 21, оп. 5, д. 65, л. 6.

³⁸ Там же, л. 71.

имеющийся при мне казачей сын Гаврило Бронников знал, а от Морошечного острога до Тигиля-реки почти ничего не разумел»³⁹.

По всей видимости, уже тогда от Морошечной до Тигиля был в употреблении диалект ительменского языка, впитавший в себя значительные лексические и грамматические элементы корякского. Этот вывод подтверждается наблюдениями Г. В. Стеллера, которые цитированы выше, и замечаниями С. П. Крашенинникова о том, что третьим камчатским наречием «можно почестъ язык, которым говорят жители... от Воровской реки до Тигиля и которой состоит из обоих вышешисанных наречий (северного и южного.— И. В.) и из некоторого числа коряцких слов» [5, 360].

Принимая во внимание совокупность этих наблюдений и высказываний, можно уже с большой долей уверенности говорить о том, что именно этот смешанный ительменско-корякский язык и дожил до наших дней (примерно в тех же границах — от Морошечной до Тигиля), тогда как другие диалекты собственно ительменского языка исчезли уже в XIX в.

Смешанный характер современного ительменского языка (с корякским) в области морфологии, лексики и давал повод для неверного вывода о его генетической принадлежности к чукотско-корякской группе. Историко-этнографические и языковые материалы А. П. Горланова помогают правильно понять происхождение корякских элементов в языке и культуре ительменов [3].

Топонимические материалы, собранные А. Горлановым, также являются источниками для исследования языков и диалектов жителей западного побережья Камчатки. В то же время это неоценимый материал для решения вопросов этнической истории. В нем отражены природные особенности, имевшие определенное промысловое и хозяйственное значение для местных обитателей. Таким образом, топонимические записи А. Горланова заслуживают специального этнографического и языкового исследования. Его весьма обширные сведения по топонимике западного побережья Камчатки от Тигиля на севере до м. Лопатки на юге, от Авачинской губы до Нижнекамчатска и по р. Камчатке содержат названия рек со всеми мельчайшими притоками, озер, гор и т. п. Местные названия в большинстве случаев даются с переводами значений на русский язык. Вот несколько примеров: «Какъганал — Воронов острожек близ устья р. Ичи. В сем острожке по осеням живут камчадалы для промыслу нерп... Мысхуал — Лебединая речка... Мухойан — Чуманной острожек... Хайкаран — Безбровной острожек... Уавара — Оленной мох острожек... Кунгучан — Рыбная речка... Уйзаачь — Туманная река... Тох — Ребровая река... Нтылпкулан — Костяная речка... Уохан — Брусовая»⁴⁰. Все названные речки — притоки р. Ичи. Озеро около р. Тигиль ительмены называли Орелгатнум — Берестяная барабора⁴¹, приток Воямполки — Тайнгиваям — Грешная речка. «Такаут — Поклонный острожек называется для того, — писал Горланов, — что тут, во-первых, камчадалы к платежу в казну ясака приведены и поклонное давать стали»⁴².

А. Горлановым были собраны и привезены в Академию наук этнографические коллекции предметов быта. К сожалению, сами вещи утрачены, но сохранившийся «реестр» важен, так как отражает определенные стороны материальной культуры ительменов того времени.

³⁹ ААН СССР, ф. 3, оп. 1, д. 800а, л. 142.

⁴⁰ ААН СССР, ф. 21, оп. 5, д. 65, л. 18—23.

⁴¹ Там же, л. 36.

⁴² Там же, л. 16.

Вот некоторые выдержки из «реестра»: «Три старинные берестяные повязки (головные.— *И. В.*); инструмент костяной, которой надевают на [руку] при выделывании стрелошных камней; инструмент, которым каменные стрелы выделывают; кость, которая при стрельбе из луков на руку надевается; белая глина, которою белятся живущие на Оманиной реке женщины; стрелки из разных светлых и других камней; иглы, сделанные из собольих костей; наигольник; железный инструмент, которым у переломанных игол ушки, паки дырочки просверливают; шапка, сделанная из чайчьих перьев; два деревянных гребня; три топора, из которых два каменных, один костяной; костяная ганза...»⁴³.

Изложенные материалы и наблюдения А. П. Горланова дают дополнительные сведения о материальной и духовной культуре ительменов, подтверждающие их этногенетическую непричастность к корякам и чукчам. Вместе с тем его сообщения содержат сведения, характеризующие исторические условия, при которых происходило накопление корякских элементов в культуре и языке современных ительменов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири, вып. II, XVIII в. (первая половина), М.—Л., 1965.
2. Вдовин И. С. Жертвенные места коряков и их историко-этнографическое значение,— сб. МАЭ, т. XXVII, 1971.
3. Вдовин И. С. К проблеме этногенеза ительменов,— СЭ, 1970, № 3.
4. Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в. Сборник архивных материалов, Л., 1935.
5. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, М.—Л., 1949.
6. Тюшов В. Н. По западному берегу Камчатки, СПб., 1906.
7. Steller G. W. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, Frankfurt und Leipzig, 1774.

⁴³ ААН СССР, ф. 3, оп. 1, д. 800а, л. 151об.—152.